

УДК 94 (470.67)

ОФИЦЕРЫ ЦАРСКОЙ АРМИИ М.К. КОВАЛЕВСКИЙ И И.Ф. БЛАРАМБЕРГ ОБ АКУША-ДАРГО (30-е гг. XIX в.)

Б. Г. Алиев, А. О. Муртазаев

Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН

Статья посвящена историографическому анализу описания Акуша-Дарго, содержащегося в труде офицеров русской армии М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларамберга «Описание Дагестана». В нем имеется много вопросов, проливающих свет на социально-экономическое и политическое положение Акуша-Дарго. Проводятся также аналогии со сведениями других авторов XVIII – первой половины XIX в., что позволяет восстановить более полную и объективную картину исторического процесса Акуша-Дарго в XVIII – первой половине XIX в.

The present article is devoted to historiographic analysis of the description of Akusha-Dargo in the work "The Description of Daghestan" by two officers of the Russian Army M. K. Kovalevsky and I.F. Blaramberg. There are many facts making clear the social-economic and political situation in Akusha-Dargo in the mentioned work. Also drawn are the analogies to the data of other authors of the XVIII – the first half of the XIX centuries. This allows to show the entire and objective picture of the history of Akusha-Dargo in the XVIII – the first half of the XIX centuries.

Ключевые слова: Акуша-Дарго; верхнедаргинцы; кадий; старшины; хозяйство; население; вооруженные силы; вооружение; ополчение.

Keywords: Akusha-Dargo; Upper Dargins; qadi; senior representatives; economy; population; armed forces; arms; the irregulars.

Федерация союзов сельских общин верхнедаргинцев Акуша-Дарго – это одна из наиболее сильных и крупных политических структур не только даргинцев, но и средневекового феодального Дагестана в целом. Акуша-Дарго играло первенствующую роль среди союзов сельских общин и их федераций. Поэтому часто под акушинцами, о которых писали авторы XVIII–XIX вв., имелись в виду не только жители Акушинского союза сельских общин или Акуша-Дарго в целом, но и даргинцы других союзов сельских общин.

Сказанное относится и к «Описанию Дагестана» М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларамберга 1831 г., в котором под акушинцами подразумевались все жители федерации Акуша-Дарго [1, с. 306–307].

Но прежде чем мы остановимся на анализе сведений, имеющих в «Описании Дагестана» М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларамберга об Акуша-Дарго, приведем краткие сведения о самих авторах «Описания ...».

Михаил Константинович Ковалевский, с 1822 г. офицер русской армии по квартирмейстерской части, с 1826 г. находился на Кавказе, участвовал в войне с Турцией 1828–1829 гг. Затем он служил в Дагестане дивизионным квартирмейстером, когда и собирал материал по различным владениям Дагестана. В 1846 г., будучи генерал-майором, М.К. Ковалевский стал командиром бригады 21-й пехотной дивизии. Умер в 1847 г.

Иван Федорович Бларамберг, по происхождению голландец, родился в Германии, где окончил университет. С 1829 г. находился в России, где окончил Институт корпуса путей сообщения. С 1828 г. он служил по Генеральному штабу на Кавказе, участвовал в военных действиях на Северо-Западном Кавказе и в Дагестане, где так же, как и М.К. Ковалевский, собирал материал о его владениях и народах. В 1833–1835 гг. служил в Петербурге, в 1836 г. участвовал в экспедиции по обозрению восточного берега Каспийского моря. В 1833–1834 гг. написал на французском языке труд в трех томах. В 3-м томе имеется материал о народах Дагестана. С 1856 г. был директором Военно-топографического депо Главного штаба, с 1863 г. находился в отставке с чином генерал-лейтенанта.

В «Описании Дагестана» М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларамберга по интересующей нас политической структуре Дагестана Акуша-Дарго, как и другим дагестанским владениям, отведено небольшое место – меньше страницы. Но эти сведения по различным вопросам социально-экономического и административно-политического устройства его в 30-е гг. XIX в. емки и конкретны.

Авторы «Описания...», останавливаясь на Акуша-Дарго, сначала дают его под названием «Общество акушинцев». Но в начале «Описания...» авторы уточняют: «акушинцы, или акуш-дарги» [1, с. 308], чем подчеркивается, что акушинцы были основным населением Акуша-Дарго, куда входили также усишинцы, мугинцы, мекегинцы и цудахарцы. Это был союз или федерация пяти верхнедаргинских объединений (союзов) сельских общин, в каждый из которых входила одна из отдельных указанных выше племенных групп даргинцев.

Далее авторы «Описания...» останавливаются на географическом положении и границах территории Акуша-Дарго. Они писали, что «акушинцы», то есть жители Акуша-Дарго, «живут в горах, удаленных от берега морского на 100 или более верст, к юго-западу от Тарку, а граничит с мехтулинцами, казыкумыками (лакцами. – *Авт.*) и Каракайдакским округом» [1, с. 308]. Действительно, Акуша-Дарго находилось в 100 км от морского берега. Что же касается границ федерации, то они были шире – федерация верхнедаргинцев граничила еще с Каба-Дарго и союзом сельских общин Сюрга, на что не обратили внимание авторы «Описания...». А Цудахарский союз граничил с аварскими обществами.

Интерес представляют сведения авторов «Описания ...», которые касаются административно-политического устройства федерации Акуша-Дарго. В частности, они писали: «Владельцев не имеют, но каждая деревня управляется особым старшиною, избранным из среды народа» [1, с. 310].

Действительно, как и в основной части союзов сельских общин и их федерациях, в общинах Акуша-Дарго в описываемое время не было владельцев – ханов и беков, они управлялись старшинами. Но авторы «Описания...» не правы, что в каждой деревне было по одному старшине. На самом деле в больших селениях выбирали по нескольку старшин, и их число зависело от наличия так называемых коренных тухумов и даже количества кварталов и частей селения, в которых проживали эти коренные тухумы. М.М. Ковалевский писал об Акуша, что старшины здесь «избираются сроком на один год из почетнейших лиц, притом известных только фамилий» [2, с. 161]. В Акуша было 4 квартала («къатІа») и соответственно 4 старшины («карта» или «шилаги халати») [3, с. 13]. Каждый квартал выбирал одного старшину. В сел. Муги было 10 тухумов, но старшин («къатІтІан») имели право выдвигать только 4 наиболее влиятельных, древних и богатых из них: Дабайхъвали, Бакъкъарихъвали, ШихгІямархъвали и Мякъяхъвали («Коренные»). В Цудахаре из основных тухумов старшин (хулелов) джамаата выдвигали только 4. В сел. Мекеги из 12 кварталов («къатІа») старшин имели право выдвигать только 5 кварталов [4, с. 288].

Аналогичное положение отмечалось и в селах союзов сельских общин других народов Дагестана. Так, по сведениям И.-Г. Гербера, в Кубачах было 12 старшин [5, с. 75], а по другим данным – 7 [3, с. 21], в сел. Урахи выбирали 4 старшин [6, с. 37], в сел. Ахты было 40 тухумов, которые выдвигали из своей среды по одному старшине (аксакалу), «и эти выбранные, в числе 40, управляли всеми общественными делами» [3, с. 26].

В маленьких селах старшин действительно было по одному.

Следующие сообщения М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларамберга касаются взаимоотношений Акуша-Дарго с Тарковским шамхальством. Они писали, что акушинцы «состоят под покровительством шамхала, чрез которого большею частию имеют сношения с русскими» [1, с. 308].

Действительно, наиболее близкие отношения Акуша-Дарго поддерживало с Тарковским шамхальством. Это объяснялось тем, что Акуша-Дарго вплоть до XVII в. находилось в со-

ставе Казикумухского шамхальства. Когда же в 40-е гг. XVII в. шамхал переехал на постоянное жительство в Тарки, в связи с чем образовалось новое шамхальство со столицей в Тарки, верхнедаргинцы по традиции продолжили свои взаимоотношения с шамхальством, а не с правителями Казикумуха, где правителями сначала были избираемые на народном сходе (къат) халклавчи, а затем с периода правления Сурхая (Чолака) I – ханы. По старой традиции, сложившейся издавна, верхнедаргинцы арендовали в шамхальстве зимние пастбища («кутаны») для своего многочисленного скота, участвовали в церемонии при коронации нового шамхала и при необходимости выставляли последнему свое ополчение [7, с. 131; 8, с. 211]. И, естественно, при необходимости для решения каких-то вопросов, и в первую очередь внешнеполитических, Акуша-Дарго обращалось к шамхалу как к самому известному, влиятельному и близкому к себе феодальному правителю. Но в целом взаимоотношения Акуша-Дарго и Тарковского шамхальства были не только взаимовыгодными, но и взаимонеобходимыми. Эти взаимоотношения продолжались вплоть до присоединения Дагестана к России, образования Дагестанской области и осуществления в связи с этим нового административно-территориального деления и создания новых управленческих органов, которыми управлялись все бывшие политические структуры.

Как и многие другие авторы, писавшие до и после них, М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг в «Описании...» отмечают наличие в Акуша-Дарго высшего должностного лица – кадия. В частности, они писали: «Между тем имеют также из своего сословия первенствующее лицо под именем кадия, который, пользуясь исключительным народным уважением, решает с советом старшин важнейшие общественные дела, управляя при том духовною властью» [1, с. 308–309].

И на самом деле Акуша-Дарго было одной из политических структур даргинцев и Дагестана вообще, где во главе административно-управленческой власти находилось высшее духовное лицо – кадий Акушинского общества. Это был светский и духовный руководитель, выбираемый из одного Кадиевского (Къадихъали) тухума из верхнего сел. Акуша. Он пользовался большим уважением во всем Дагестане. К нему обращались за советом и помощью феодальные владетели и руководители союзов сельских общин. Он решал окончательно различные спорные вопросы, возникающие не только в обществах Акуша-Дарго, но и селах других даргинских политических структур. Сел. Акуша, где находился кадий, часто выступало в качестве центра проведения различных совещаний и сборов правителей и руководителей феодальных владений и союзов сельских общин Дагестана [4, с. 257–261; 5, с. 100–106].

Говоря о населенных пунктах Акуша-Дарго, авторы «Описания...» выделяют наиболее крупные и «главнейшие» села: это «Акуша, на вершинах Большого Манаса (это река Акушинка. – *Авт.*), Кутан (? – *Авт.*), Урама (Урма. – *Авт.*), Дюгиш (? – *Авт.*) и Ошуша (сел. Усиша)» [1, с. 309].

Как видно из этого перечня сел, в нем нет даже центров Мугинского союза – сел. Муги, Мекегинского союза – сел. Мекеги и Цудахарского союза – сел. Цудахар. Чем объясняется это упущение – трудно сказать. В перечне даются еще два селения – Кутан и Дюгиш, этимологизация названий которых представляется затруднительной. Возможно Кутан – это Кутиша, за которым дается другое аварское селение Урма. Относительно селения Дюгиш трудно что-либо сказать. В составе Акуша-Дарго никогда не было села, название которого начиналось бы с буквы «Д». Если же иметь в виду, что в Акуша-Дарго некоторое время входил и союз Каба-Дарго, в составе которого находилось сел. Дейбук, то можно предположить, что под «Дюгишом» у М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларамберга подразумевается сел. Дейбук. Кстати, и И.А. Гильденштедт в 70-е гг. XVIII в. в составе Акуша-Дарго называл сел. «Дигбук» [10, с. 190].

Писали М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг и о населении Акуша-Дарго. По их сведениям, в Акуша-Дарго было до 20 000 дворов, а вооруженных людей могли «выставить около 10 000» [1, с. 309].

С отдельными оговорками можно согласиться с приведенными сведениями, так как аналогичные сведения имеются и в работах других авторов XVIII–XIX вв. Так, еще в первой трети XVIII в. участник Каспийского похода Петра I в 1722 г. И.-Г. Гербер писал, что «Акуша, уезд» «состоит во многих деревнях» [5, с. 101]. Территория Акуша-Дарго являлась наиболее густонаселенной частью Дагестана [4, с. 124]. Поэтому здесь были большие населенные пункты. Еще в 70-е гг. XVIII в. И.А. Гильденштедт писал, что «Акуша многолюден и содержит до 1000 семей». По его же данным, в Цудахаре было до 2000 семей [10, с. 130].

На многолюдность Акуша-Дарго указывали и другие авторы XVIII–XIX в.: Эллис, И. Клапрот, офицер генштаба Вранкен и др. С.М. Броневский писал о наличии в Акуша-Дарго «неопределенного количества ... деревень, весьма многолюдных» и о том, что в нем более 20 тыс. дворов [11, с. 307]. Еще ранее участник Персидского похода 1796 г. И.Т. Дрелякин писал, что акушинцев 30 000 дворов и 90 000 душ [12, табл.]. По сведениям акад. П.Г. Буткова, также в Акуша-Дарго было до 30 000 дворов, «душ вообще (жителей обоого пола. – *Авт.*) до 98 000» [8, с. 210].

О многочисленности населения Акуша-Дарго говорят и сведения по количеству хозяйств и населения союзов сельских общин Акуша-Дарго и отдельных сел, имеющиеся в различных источниках и в работах отдельных авторов XIX в. Так, по сведениям А.П. Ермолова, в Акуша было более 10 тыс. человек, в Уллу-аля – до 800 домов [13, с. 93, 101]. А.А. Неверовский писал, что в Акушинском союзе было 25 тыс., в Мекеги – 4 тыс., в Усиша – 5 тыс. жителей [14, с. 20, 26]. По сведениям подполковника Н.А. Окольного, в Акушинском союзе было 2435, в Мекегинском – 588, Усишинском – 985, Цудахарском – 1500, Мугинском – 500 дворов [15, с. 155]. Генерал А. Комаров писал, что в Акуша с отселками было 1735 дымов, в Усиша – 653, Муги – 606, Мекеги 797 [16, с. 17, 20–23, 28].

Что касается вооруженных сил Акуша-Дарго, то также имеются различные сведения, которые подтверждают возможность федерации выставлять многочисленное ополчение. И это, безусловно, являлось следствием его «многолюдности». Действительно, Акуша-Дарго могло выставлять не менее 10–15 тыс. вооруженных человек. А «при всеобщем ополчении» «воинские силы Дарго» доходили до 17–20 тыс. человек [17]. Генерал В. Потто, описывая поход А.В. Ермолова в Акуша-Дарго в 1819 г., писал, что против русских войск верхнедаргинцы выставили до 25 тыс. человек [18, с. 255]. По сведениям Я. Рейнегса, бывавшего на Кавказе в 80-е гг. XVIII в., только Мекегинское общество выставляло 4 тыс. вооруженных людей [19, с. 274]. А ведь Акушинский и Цудахарский союзы были гораздо больше, чем Мекегинский, и, естественно, они могли выставлять и больше воинских сил. Примерно равнозначны с Мекегинским союзом были Усишинский и Мугинский союзы, которые также могли выставлять такое же количество вооруженных людей. Если учесть все это, то Акуша-Дарго «при надобности» могло выставить и больше, чем 25 тыс. вооруженных человек. И не без основания А. Ржевуский писал, что «акушинцы» (верхнедаргинцы вообще. – *Авт.*) «славились в прежние времена своею воинственностью, выставляя многочисленные ополчения» [20, с. 260].

В «Описании...» М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларамберга говорится также о вооружении ополченцев Акуша-Дарго. В частности, они писали, что ополченцы «воинственны, имеют хорошее вооружение и привыкли сражаться более пешими» [1, с. 309].

Сказанное нашими авторами подтверждается и другими сведениями. Еще в первой трети XVIII в. И.-Г. Гербер, в частности, писал о жителях Акуша-Дарго, что «оныя все люди к войне храбрые, доброконные и оруженные» [5, с. 101].

По сведениям указанного выше Я. Рейнегса, «сила их (верхнедаргинцев. – *Авт.*) и храбрость всему Кавказу известны, и сами лезгинцы (дагестанские народы. – *Авт.*), соседи их, с коими они часто сражаются, едва могут стоять противу их мужества» [19,

с. 274]. Хотя Я. Рейнеггс был не совсем прав относительно частых сражений жителей Акуша-Дарго с соседями, но в целом он верно писал, как и авторы анализируемого «Описания...», о мужестве и храбрости верхнедаргинцев. Это «были люди к войне храбрые, доброконные и оруженные» (вооруженные. – *Авт.*), подготовленные к ратному делу, которые, как другие народы Дагестана, «к воинскому духу присоединяли гораздо более трудолюбия, неутомимости и силы, нежели другой какой Азийской (азиатский. – *Авт.*) народ» [21, с. 25].

Поэтому и обращались к Акуша-Дарго феодальные владетели и руководители союзов сельских общин Дагестана за помощью. Так, известно, что воинские силы шамхала Тарковского, кайтагского уцмий и кубинского Фатали-хана в основном состояли из верхнедаргинцев. По сведениям П.Г. Буткова, войска тарковского шамхала в основном состояли из верхнедаргинцев. Он писал, что «шамхал тарковский от принадлежащих ему владений *и более акушинского народа*» (курсив наш. – *Авт.*) мог выставить 26 000 человек [8, с. 210]. Это подтверждается и следующим сообщением А.П. Ахвердова, писавшего в 1804 г., что войска «окруженных деревень его (шамхала. – *Авт.*) и республиканцев, называемых Дарга Окуша, собраться может до пятнадцати тысяч человек» и что шамхал «зимою ... в самой крайности и пяти тысяч войска выставить не может в разсужденни неимущества у горцов нужного платья, так как и по невозможным проходам через горы от великих снегов» [22, с. 215].

Большие воинские силы Акуша-Дарго нанимались кайтагским уцмием, дербентским и кубинским ханами. Согласно имеющимся сведениям, до 5 тыс. человек во главе с акушинским кадием несколько месяцев в 1801 г. находились на стороне последних. В 1809 г. в походе на Кубу участвовало до 50 только старшин федерации Акуша-Дарго [4, с. 263].

Сохранились интересные сведения, как формировались вооруженные силы Акуша-Дарго и кто ими командовал. В одном из источников 50–60-х гг. XIX в., в частности, сказано: «Кадий объявлял войну и собирал ополчение, он назначал сотенных командиров и приказывал, по сколько человек должно с каждого двора идти на войну. В важных случаях собиралось поголовное ополчение, всякий могущий носить оружие должен был идти. Кадий непременно должен был командовать войсками и идти в битву впереди всех. Войска довольствовались (содержались. – *Авт.*) на собственный счет, брали чуреков из дому, а если чуреков не хватало, то отправляли одного из 10 воинов домой за хлебом, и он доставлял на всех 10 человек чуреков» [3, с. 14].

В другом источнике (XX в.) также говорится о том, как формировалось ополчение. Для защиты территории федерации Акуша-Дарго «от внешних врагов, – сказано в нем, – Кади (акушинский. – *Авт.*) заранее составлял список намеченных в войско лиц по расчету – с каждых десяти домов – одного» [23, л. 4]. Эта обязанность десятой части всех хозяйств Акуша-Дарго выставлялась воинов являлась как бы воинской повинностью, которая гарантировала быстрый сбор необходимого числа воинов. А «в важных случаях», – как отмечалось выше, – «собиралось поголовное ополчение, всякий могущий носить оружие должен был идти» [3, с. 14].

Поскольку не все имели возможность приобрести вооружение и коней, «когда войны приобретали ... общенародный характер, зажиточные тухумы помогали обыкновенно обедневшим приобрести оружие, амуницию и продовольствие на время похода» [2, с. 159]. После окончания войны, «когда войско, выполнив свою задачу, возвращалось по домам, то оно отдавало назад хозяевам лошадей и оружие» [23, л. 5].

Следующий вопрос, на котором останавливались М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг, – это занятия населения Акуша-Дарго. В частности, они писали: «Занимаются преимущественно хлебопашеством, скотоводством, разведением садов и даже торговлею» [1, с.

309]. В примечании, приложенном к описанию Акуша-Дарго, наши авторы, продолжая описание занятий верхнедаргинцев, отмечали: «Почва земли весьма способна к плодородию» [1, с. 309].

Действительно, основным занятием жителей Акуша-Дарго были земледелие и скотоводство. Земледелием занимались жители всех обществ федерации, и этот вид занятий, как и у других горцев и даргинцев, являлся древней отраслью хозяйства. Сеяли все виды зерновых: пшеницу, ячмень, рожь, голозерный ячмень, просо, а позже и кукурузу. Урожай зерновых был небогатым как на естественных полях, так и на террасах, оторых в Акуша-Дарго было много. Согласно архивным данным, лучший урожай составлял в Гинта – сам 6, в Акуша, Усиша, Муги, Бутри и Гинта – сам 5, в Гиба, Цудахаре – сам 4, в Гапшимае, Хаджалмахи, Уллучара – сам 3 [24, с. 134].

Это, конечно, было следствием того, что, как писал А.П. Ермолов, акушинцы (да и все другие жители Акуша-Дарго) занимали гористые места, хотя среди них и находились «не весьма обширные, но прекрасные долины», и земля Акушинского союза была «весьма плодородна и обработана с чрезвычайным тщанием, нет ни малейшего пространства не возделанного» [13, с. 101]. Об этом же практически писал еще в 20-е гг. XVIII в. И.-Г. Гербер, отмечавший, что «акушинцы пашни много не имеют, ибо оные между горами живут» [5, с. 101].

Но зато верхнедаргинцы имели много скота, о чем также писал И.-Г. Гербер. Он отмечал, что жители Акуша-Дарго питались «больше скотиною» и «содержат великое число баранов» [5, с. 101]. О количестве скота у верхнедаргинцев можно судить по сведениям о количестве овец, которых пасли зимой в Кайтагском уцмийстве, имевшем «изрядную паству для скота». Как сообщал И.-Г. Гербер, «многие акушинцы (верхнедаргинцы, входившие в Акуша-Дарго. – *Авт.*) и тавлинцы (горцы. – *Авт.*) зимою, когда снег в горах глубок бывает, гоняют на Хайдакскую паству скот свой и пасут через всю зиму, которая там очень сносна» [25, с. 107]. Причем, по его сведениям, каждую зиму в Кайтагском уцмийстве «кормились» более 100 000 баранов [5, с. 84]. О многочисленности скота у жителей Акуша-Дарго писали и другие авторы последующих периодов: И. Вольф, Я. Лерх, И. Клапрот и др.

В отдельных обществах федерации Акуша-Дарго, как писали авторы «Описания ...», занимались и садоводством. Это в основном общества Цудахараского союза, расположенные в речных долинах. Еще в 70-е гг. XVIII в. И.А. Гильденштедт отмечал, что в Цудахарском «округе родится виноград и другие плоды» [10, с. 131]. Офицер русской армии Ф.И. Гене в 1835–1836 гг. писал, что от Хаджалмахи «до реки Койсу простирается фруктовый лесок величиною до двух квадратных верст» [26, с. 344]. В последующем садоводством стали заниматься и в других обществах не только Цудахарского союза, но и в селах Акушинского союза.

Занимались жители Акуша-Дарго, как отмечали авторы «Описания ...», «даже торговлею», о чем писали и другие авторы до них и последующих периодов. Так, Д.И. Тихонов в конце XVIII в. писал, что «жители Тарковского шамхальства наряду с соседними владениями, как-то с уцмиевым, с крымскими» торговали и с акушинцами [7, с. 135]. Торговые люди из Акуша-Дарго, называемые, как и у других народов, базарганами, ездили по торговым делам в Тарки, Дербент, Эндирей, Кумух и т.д., где приобретали не только товары местного производства, но и привозимые из России и других стран предметы домашнего обихода из стали, железа, меди, стекла (котлы, красные изделия, тазы из меди, посуда, ножницы, иглы, наперстки и т.д.), а также зеркала, шелковые, бумажные и холщевые ткани, бумагу, сахар, нефть, железо, сталь, свинец и т.д., которые привозились местными купцами из Дербента, Кайтагского уцмийства, шамхальства Тарковского и продавались на местных рынках [27, с. 201–219]. В свою очередь, жители Акуша-Дарго продавали в этих торговых центрах и местных базарах других народов продукты животноводства – шерсть, кожи, шкуры, местное сукно и т.д. и даже зерно.

Крепкие торговые отношения сложились у жителей Акуша-Дарго с соседними обществами Кайтагского уцмийства, Казикумухского ханства и Аварии. Большим спросом у верхнедаргинцев пользовались сельскохозяйственный инвентарь: лопаты, железные лемеха для сох, клинки для серпов и кос, а также холодное и огнестрельное оружие, производимые в Кубачах, Амуги и Харбук.

С аварскими обществами торговали главным образом жители Акушинского и Цудахарского союзов. Основным предметом торговли цудахарцев с аварскими обществами являлось холодное и огнестрельное оружие местного производства, известные у аварцев под названием «цедехI нус» и «цедехI тапанча» [24, с. 144]. Об этом писал и русский офицер А.П. Щербачев, отмечавший в 1830 г., что койсубулинцы «из Акуши достают себе оружие, ибо собственных мастеровых не имеют» [28, с. 296]. О продаже зерна верхнедаргинцами аварским обществам писали ряд авторов, бывавших в Дагестане в тот же период, что и М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг. Так, подполковник Меддокс отмечал: «Акушинцы свой хлеб продают в горы и покупают оный в прочих ... провинциях в Дагестане для перепродажи горцам» [29, с. 518]. В другом документе прямо указывается, что авары получают хлеб от акушинцев [29, с. 30]. Указывал на это и генерал Р.Ф. Розен. У жителей Аварского ханства, писал он, «хлебопашество весьма скудное и недостаточное для прокормления своего. Мехтулинская провинция и акушинцы снабжают их малую часть такового» [30, с. 291].

Жители Акуша-Дарго были вовлечены и во внешнюю торговлю. Торговые люди из федерации верхнедаргинских союзов по торговым делам ездили в Азербайджан, Грузию, российские города. В Азербайджане жители Акуша-Дарго продавали сукно местного производства. Только в 1821 г. в старую Шемаху приехали 7 «акушинских лезгин», которые привезли для продажи 6 вьюков сукна. Торговали верхнедаргинцы сукном также и в Нухинском уезде.

Что касается торговли жителей Акуша-Дарго с русскими городами, то прежде всего следует сказать о Кизляре. В 1807 г. в Кизляре на таможне для проверки было остановлено 27 торговцев из Акушинского и Цудахарского союзов. В 1824 г. только за один день в Кизлярскую пограничную карантинную контору прибыл для торговли 31 цудахарец, а за один день сентября того же года – 5 таких групп, т.е. более 150 человек [31, с. 220].

Из Кизляра торговцы, прибывшие из Акуша-Дарго, выезжали в другие русские города, в особенности в Астрахань, где покупали главным образом верблюжью шерсть, из которой «изготавливали» «значительное количество местного сукна», которое вывозилось для продажи в Нуху, Шемахи и другие города Закавказья [24, с. 146]. Даже в период А.П. Ермолова, когда искусственно создавались препятствия для торговли горцев Дагестана, жители Акуша-Дарго, как и другие горские торговцы, ездили в различные города России. По сведениям за июнь 1821 г., среди горцев, направлявшихся в города России для торговли, вместе с аварцами указаны и акушинцы [31, с. 920].

Мы не знаем, было ли уже в 30-е гг. XIX в. в Акуша-Дарго местное купечество. Но согласно сведениям 80-х гг. XIX в., здесь уже было много торговых людей, для которых торговля являлась основным занятием. Это были профессиональные торговцы – базарганы. Для убедительности приведем данные посемейных списков за 1886 г. по Даргинскому округу. По этим данным, в Кутишинском наибстве было 28 торговцев, из которых 17 было только из сел. Наскент; в Цудахарском наибстве было 75 торговцев, из которых в одном Цудахаре было их 33, в Балхаре 18 и т.д.; в Акушинском наибстве было 40 торговцев, из которых 23 только в сел. Гиба и 11 в сел. Шукты [32, с. 21, 29, 33, 37 и др.].

И последние вопросы, на которых останавливаются М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг, – это вероисповедание жителей Акуша-Дарго, о которых они писали в примечании: «Все вообще усердно привязаны к исламу Омаровой секты», и характер жителей, о которых писали, что они «характера твердого, – прямодушнейшие из них акушинцы» [1, с. 309].

Все это действительно имело место. Как и другие народы Дагестана, даргинцы исповедовали ислам Омаровой секты – были суннитами. Что касается характера жителей Акуша-Дарго, то, как указывали и другие авторы XIX в., они были характера твердого, при этом акушинцы отличались от жителей других союзов федерации прямотошеством и были бесхитростны.

Такие сведения об Акуша-Дарго оставили нам два офицера царской армии – М.К. Ковалевский и И.Ф. Бларамберг. Как видно из приведенного ими перечня вопросов, они касаются в основном социально-экономического положения Акуша-Дарго. Это вопросы об основных занятиях его жителей; его административно-политическом устройстве с акцентом на теократическую форму правления федерации; воинских силах и вооружении; основных населенных пунктах; вероисповедании; характере жителей федерации.

Хотя все перечисленные вопросы освещаются кратко, в сжатой или тезисной форме, но из них ясно можно представить общественно-политическое устройство Акуша-Дарго в 30-е гг. XIX в., состояние его экономического развития и положение в системе других политических структур Дагестана. Конечно же, в свете сказанного описание Акуша-Дарго М.К. Ковалевского и И.Ф. Бларамберга представляет значительный интерес не только для исследователей истории Дагестана феодального периода, но и для читателей, интересующихся историей дагестанских народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ковалевский М.К., Бларамберг И.Ф.* Описание Дагестана. 1831 г. // История, география и этнография Дагестана XVII–XIX вв. (далее – ИГЭД). М., 1958. С. 306–312.
2. *Ковалевский М.М.* Закон и обычай на Кавказе. М., 1890. Ч. 2. 304 с.
3. Памятники обычного права Дагестана XVII–XIX вв. Архивные материалы / сост., предисл. и прим. *Х.-М. Хашаева*. М., 1965. 268 с.
4. *Алиев Б.Г.* Союзы сельских общин Дагестана в XVIII – первой половине XIX в. (Экономика, земельные и социальные отношения, структура власти). Махачкала, 1999. 339 с.
5. *Гербер И.-Г.* Описание стран и народов вдоль западного берега Каспийского моря. 1728 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 60–120.
6. *Амиров Г.М.* Среди горцев Северного Дагестана (Из дневника гимназиста) // Сборник сведений о кавказских горцах (далее – ССКГ). Тифлис, 1873. Вып. VII. С. 1–77.
7. *Тихонов Д.И.* Описание Северного Дагестана. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 125–137.
8. *Бутков П.Г.* Сведения о Кубинском и Дербентском владениях. 1796 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 209–212.
9. *Алиев Б.Г.* Теократия в Дагестане // Иран и Кавказ. Труды кавказского Центра иранистики. Тегеран, 1999–2000. С. 97–108.
10. *Гильденштедт И.А.* Географическое и статистические описания Грузии и Кавказа из путешествия г-на Академика И.-А. Гильденштедта чрез Россию и по Кавказским горам в 1770, 71, 72 и 73 годах. СПб., 1809. 384 с.
11. *Броневский С.* Новейшие географические и исторические известия о Кавказе. М., 1823. Т. 2. 471 с.
12. *Дренякин И.Т.* Описание Ширвана. 1796 с. // ИГЭД. М., 1958. С. 157–172.
13. *Ермолов А.П.* Записки и приложения (1816–1827). М., 1864. Ч. 2. 440 с.
14. *Неверовский А.А.* Краткий взгляд на Северный и Средний Дагестан в топографическом и статистическом отношениях. СПб., 1847. 64 с.
15. *Окольничий.* Перечень последних военных событий в Дагестане // Военный сборник СПб., 1859. Т. V, № 1. С. 107–172.
16. *Комаров А.В.* Списки населенных мест Дагестанской области // СССГ. Тифлис, 1869. Т. 1. С. 1–123.

17. РГВИА. Ф. 205. Оп. 1. Д. 139. Л. 7
18. *Потто В.* Кавказская война в отдельных очерках, эпизодах, легендах и биографиях. 2-е изд. СПб., 1887. Т. 2. Вып. 2. 174 с.
19. Дагестан в известиях русских и западно-европейских авторов XIII–XVIII вв. / сост., введ., вступ. ст. к текстам и примеч. *В.Г. Гаджиева.* Махачкала, 1992. 304 с.
20. *Ржевуский А.* 1845 год на Кавказе // Кавказский сборник. Тифлис, 1822. Т. 6. С. 221–477.
21. Описание Кавказа с кратким историческим и статистическим описанием Грузии. Тифлис, 1805. 72 с.
22. *Ахвердов А.И.* Описание Дагестана. 1804 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 213–229.
23. Рукопись перевода рассказа Кади-Магомед-оглы, жителя селения Усиша. Даргинского округа. Темир-Хан-Шура, 1926 // Научный архив ИИАЭ ДНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Д. 297. 14 с.
24. *Алиев Б., Ахмедов Ш., Умаханов М.-С.* Из истории средневекового Дагестана. Махачкала, 1970. 235 с.
25. *Гербер И.-Г.* Известия о находящихся с западной стороны Каспийского моря между Астраханью и рекой Курой народах и землях и о их состоянии в 1728 г. // Сочинения и переводы к пользе и увеселению служащие. СПб., 1760. Июль – сентябрь. Т. 17, № 7. С. 3–48; № 8. С. 99–140.
26. *Гене Ф.И.* Сведения о Горном Дагестане. 1835/36 г. // ИГЭД. М., 1958. С. 337–352.
27. Русско-дагестанские отношения XVII – первой четверти XVIII вв. Документы и материалы. Махачкала, 1958. 336 с.
28. *Щербачев А.П.* Описание Мехтулинского ханства, койсубулинских владений и ханства Аварского. 1830 г. // ИГЭД, 1958. С. 298–299.
29. Акты, собранные Кавказскою археографическою комиссиею. Т. VII. Тифлис, 1878. 1011 с.
30. *Розен Р.Ф.* Описание Чечни и Дагестана. 1830 г. // ИГЭД, 1958. С. 281–292.
31. *Алиев Б.Г.* Роль Кизляра в расширении торговли и развитии товарно-денежных отношений в союзах сельских общин Дагестана в XVIII–XXIX вв. // Провинциальный город в XVIII–XIX вв. (История, экономика, культура): материалы Междунар. науч. конф. (25–28 сентября 2008 г.). Кизляр, 2008. С. 218–223.
32. Даргинский округ Дагестанской области. Свод статистических данных, извлеченных из населенных списков населения Кавказа / Издания Кавказского статического комитета. Тифлис, 1887. 81 с.

Поступила в редакцию 26.02.2015 г.

Принята к печати 28.12.2015 г.